

Ведьма из Сызрани

Бабушка оставила
мне дом, кот
и клиентов.
Кот разговаривает.
А я, кажется, ведьма.

СЫЗРАНЬ

Милана Панова

Ведьма из Сызрани

<https://litres.ru/74631273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бабушка оставила мне дом, кота и клиентов. Кот разговаривает. А я, кажется, ведьма.

Москвичка Василиса писала рекламу кредитов, пока не приехала в Сызрань за бабушкиным наследством. Оказалось, что баба Гаша шестьдесят лет была главной ведьмой города, и теперь её дело переходит к внучке.

Васе достались язвительный кот Модест (217 лет, ест только сметану), домовый-телезритель и тетрадь с клиентами. Соседке нужен приворот, чиновнику из мэрии — порча на конкурентов. А Вася понятия не имеет, как это делается.

Тем временем в городе открывается «Портал изобилия» гламурной «потомственной ведьмы» Анжелики Звёздной. После её марафонов в Сызрани всё идёт наперекосяк, даже помидоры перестали краснеть. И похоже, Анжелике нужно то, что спрятано под бабушкиной печкой.

Смешная и тёплая история о провинциальной магии, водяном с Волги, чате поволжских ведьм и удаче, которую нельзя украсть, а можно только заслужить. За банку огурцов.

Содержание

Глава 1. Наследство с условием	4
Глава 2. Кот, который знал слишком много	13
Глава 3. Приворот по-сызрански	19
Глава 4. Порча для товарища Пыжикова	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Милана Панова

Ведьма из Сызрани

Глава 1. Наследство с условием

Нотариус Тамара Ильинична Галушко приняла Василису в кабинете, где пахло валерьянкой, старой бумагой и чем-то жареным из соседнего кафе «Волжанка». На подоконнике цвела герань такой агрессивной расцветки, что казалось, она вот-вот начнёт давать юридические консультации сама.

— Круглова Василиса Андреевна, — прочитала нотариус, поправив очки. — Внучка. Единственная наследница по завещанию Кругловой Агафьи Семёновны. Паспорт давайте.

Василиса протянула паспорт. Руки у неё немного дрожали — не от горя даже, горе было глубже и тише, а от шестнадцати часов в плацкарте «Москва — Сызрань», где верхняя полка над ней всю ночь храпела так, будто проглотила бензопилу.

— Значит, так, — Тамара Ильинична разложила бумаги веером. — Дом по адресу: улица Верхне-Кирпичная, тринадцать. Бревенчатый, с кирпичным подклетом, одна тысяча девятьсот... тут написано «до революции», дальше неразборчиво. Земельный участок шесть соток. Баня. Сарай. Имущество, находящееся в доме, — всё.

— Всё? — переспросила Василиса.

— Всё, — нотариус посмотрела на неё поверх очков с таким выражением, будто собиралась добавить что-то ещё, но передумала. — И ещё кот.

— Кот?

— Кот в завещании указан отдельной строкой. Цитирую: «Коту Модесту оставаться в доме, кормить сметаной не ниже двадцати процентов жирности, не кастрировать, не обижать, слушаться». Конец цитаты.

Василиса моргнула.

— Слушаться — кого?

— Не уточняется, — сухо ответила Тамара Ильинична. — Я Агафье Семёновне говорила, что формулировка двусмысленная. Она сказала: «Внучка разберётся». Ещё одно условие. Наследство принимается при условии, что наследница проживёт в доме не менее сорока дней с момента вступления, прежде чем принимать решение о продаже.

— Это законно?

— Это Агафья Семёновна, — сказала нотариус, как будто это всё объясняло. И, понизив голос, добавила: — Вы её не очень хорошо знали, да?

Василиса хотела возмутиться. Знала она бабушку. Каждое лето до четырнадцати лет проводила здесь: пила парное молоко от соседской козы, лазила на Сызранский кремль, стояла под Спасской башней и воображала, как с неё стреляли по кочевникам. Бабушка пекла пироги с вишней, пела под нос

что-то бессловесное и иногда уходила вечерами «к людям». Потом Василиса выросла, поступила, устроилась в Москве писать тексты для банка — «Ваша мечта ближе, чем кажется! Кредит под 29,9%!» — и приезжала всё реже. Звонила по праздникам. Бабушка всегда говорила: «Живи, Васёна, живи, я тут справляюсь».

А потом перестала справляться.

— Не очень хорошо, — тихо признала Василиса.

Тамара Ильинична кивнула и протянула ей связку ключей. Ключей было семь. Один — огромный, кованый, похожий на те, что рисуют в сказках. Второй — от почтового ящика. Остальные пять Василиса опознать не смогла.

— И вот ещё, — нотариус достала из ящика стола конверт. — Велено передать лично в руки. Не вскрывала.

На конверте бабушкиным острым почерком было написано: «Васёне. Прочитать в доме. Не на улице. Не при коте».

Василиса сунула конверт в сумку.

— Спасибо вам.

— Не за что, — Тамара Ильинична помедлила. — Василиса Андреевна. Ваша бабушка мне в девяносто восьмом году мужа вернула. Он к продавщице с рынка ушёл, а она... в общем, вернула. Через неделю пришёл с цветами и больше ни разу не уходил. Двадцать восемь лет уже.

— Как... вернула?

Нотариус улыбнулась одними глазами.

— Вот и разберётесь.

Улица Верхне-Кирпичная оказалась ровно такой, какой Василиса её помнила, только меньше. В детстве ей казалось, что это огромный мир: овраг, заросший крапивой, колонка с водой, которую надо было качать всем весом, заборы разной степени покосившести, за которыми лаяли собаки, мычали козы и ругались соседи. Теперь это была короткая, в двести метров, улочка на склоне, спускавшаяся к Сызранке. Колонку заменили, овраг облагородили до состояния «овраг, но с табличкой». На углу вырос магазин «Продукты 24», у которого курила продавщица в фиолетовом фартуке.

Дом номер тринадцать стоял последним, у самого спуска. Тёмный, основательный, с резными наличниками, в которых при желании можно было разглядеть птиц, змей и что-то ещё, не вполне опознаваемое. Крыльцо с навесом. Окна смотрели на улицу внимательно, по-хозяйски.

Василиса открыла калитку — та скрипнула длинно и с выражением, будто сказала «ну наконец-то» — и поднялась на крыльцо. Огромный кованый ключ вошёл в замок, как в масло.

Внутри пахло сушёными травами, воском и печкой. Сени, заставленные вёдрами, корзинами и связками чего-то бурого. Дальше — большая комната с русской печью, беленой, в трещинках. Стол под клеёнкой в подсолнухах. Буфет с посудой. Телевизор «Самсунг» на кружевной салфетке — единственная уступка двадцать первому веку. Иконы в красном углу, а под ними — полка с банками, на которых бабушки-

ным почерком было написано: «Зверобой», «Полынь горькая», «Мята», «Не трогать», «Для Пыжикова», «Совсем не трогать».

А на столе, прямо посередине клеёнки, сидел кот.

Кот был чёрный. Не просто чёрный, а такой абсолютный, что казалось, будто в комнате вырезали дыру в форме кота. Только на груди у него белело пятно — аккуратное, треугольное, как манишка у официанта. Кот был огромен. Не толстый, нет — толстыми бывают коты у пенсионерок, которые кормят их варёной колбасой. Этот был именно огромен, с широкой грудью, мощными лапами и жёлтыми глазами размером с пятирублёвую монету.

Кот смотрел на Василису. Василиса смотрела на кота.

— Привет, — сказала она. — Ты, наверное, Модест.

Кот не ответил. Разумеется. Коты не отвечают.

— Бабушка велела кормить тебя сметаной. Двадцать процентов. Я куплю, хорошо? Сейчас только вещи разберу.

Кот медленно, с достоинством, отвернулся и принялся вылизывать лапу.

Василиса поставила сумку на лавку, села и достала конверт. «Не при коте». Она покосилась на Модеста. Кот продолжал вылизываться с видом глубокого безразличия.

— Модест, — сказала она. — Может, ты сходишь погуляешь?

Кот перестал вылизываться. Посмотрел на неё. Потом прыгнул со стола — тяжело, как мешок с цементом, — и

неторопливо ушёл за печку.

Василиса вскрыла конверт.

«Васёна, — писала бабушка. — Если ты это читаешь, значит, я померла, а ты приехала. Хорошо, что приехала. Я знала, что приедешь, хоть ты и шалопутная.

Теперь слушай внимательно, потому что второй раз я объяснить не смогу.

Я ведьма. Не смейся. Не в том смысле, что злая баба, хотя и это бывало. А в прямом. Мать моя была ведьма, и бабушка, и прабабушка, и так до того самого времени, когда воевода Козловский в тысяча шестьсот восемьдесят третьем году ставил на Сызранке крепость и позвал нашу пра-пра-сколь-ко-то бабушку, чтобы она место заговорила. Она заговорила. С тех пор наша семья тут и держит.

Держит что — узнаешь. Не всё сразу.

Дом твой. Гроссбух — в буфете, в нижнем ящике, под ска-тертью с петухами. Там все мои клиенты. Не бросай их, Васёна. Они придут. Ведьма, которая людям не помогает, киснет, как молоко на солнце, и место её киснет вместе с ней.

Модест тебе всё растолкует. Он вредный, но толковый. Сметану покупай «Сызранскую», не «Простоквашино», он разницу чувствует.

Фролу Евсеичу, что за печкой, по четвергам ставь блюдечко с молоком и кусок пирога. Если пирог магазинный — не обидится, но и помогать не станет.

Пыжикову ничего не делай, пока не прочитаешь, что я про

него в грессбухе написала.

Анжелке Песковой не верь. Ни одному слову.

Люблю тебя. Всегда любила, даже когда ты мне звонила раз в полгода и говорила «ба, у меня дедлайн». Что за дедлайн такой, я так и не поняла, но звучит нехорошо.

Твоя баба Гаша.

P.S. Банку «Совсем не трогать» не трогай совсем».

Василиса прочитала письмо дважды. Потом ещё раз. Потом положила его на стол, разгладила ладонью и сказала вслух, в пустую комнату:

— Бабушка, ты, похоже, была немножко того.

— Сама ты «немножко того», — ответили из-за печки. Голос был низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, как у ведущего ночного радио. — Агафья Семёновна была в здравом уме до последнего вздоха. Уж я-то знаю. Я этот последний вздох слышал.

Василиса очень медленно повернула голову.

Из-за печки, неторопливо переставляя лапы, выходил Модест.

— Не ори, — сказал кот. — Соседи услышат. Зинаида Павловна и так считает, что у нас в доме нечисто. В чём, в общем, права.

Василиса не заорала. Она открыла рот, закрыла его, снова открыла и наконец сказала:

— Я в поезде не спала.

— Это заметно, — согласился кот. — Круги под глазами,

как у енота. Но я не галлюцинация. Галлюцинации не требуют сметаны. А я требую. Двадцать процентов. Сызранский молочный комбинат. Ты, кстати, обещала купить.

— Ты... разговариваешь.

— Наблюдательная. В бабуку. — Модест запрыгнул на лавку рядом с ней, сел и обвил хвостом лапы. — Слушай, внучка. Я понимаю, что ты сейчас в состоянии, которое люди называют «шок», а мы, фамилъяры, — «приехала городская». Поэтому объясню коротко. Твоя бабушка была ведьмой. Ты — тоже ведьма. Спящая, необученная, испорченная Москвой и кредитами под двадцать девять и девять, но ведьма. Иначе бы ты меня не слышала. Нормальные люди слышат «мяу».

— Я не ведьма. Я копирайтер.

— Одно другому не мешает. Заговор — это тот же рекламный текст, только работает.

Василиса нервно рассмеялась.

— Хорошо. Допустим. Допустим, я сошла с ума. Что дальше?

Модест посмотрел на неё долгим жёлтым взглядом.

— Дальше, — сказал он, — ты идёшь в «Продукты» за сметаной. А завтра в девять утра к тебе придёт Зинаида Павловна Уткина из дома одиннадцать. За приворотом.

— За каким приворотом?

— За обыкновенным. На Геннадия Петровича Боброва из дома девять. Она к Агафье ходила каждый вторник четыре

года. Агафья каждый вторник говорила «рано ещё, Зина, не созрело». А теперь Агафьи нет. Есть ты.

— Я не буду делать никаких приворотов!

— Будешь, — спокойно сказал кот. — Потому что клиентура — это не просто люди. Это договор. Ведьма, которая клиентам отказывает, киснет. А место киснет вместе с ней. Бабушка же тебе написала.

— Ты читал письмо?!

— Я кот, — с достоинством сказал Модест. — Я читаю всё, что лежит на столе. Иди за сметаной, Васёна. Утро вечера мудренее. Это, между прочим, тоже заговор. Очень древний.

За печкой кто-то сочувственно крякнул.

Василиса решила, что это тоже от недосыпа, и пошла за сметаной.

Глава 2. Кот, который знал слишком много

Спала Василиса на бабушкиной кровати с горой подушек, под лоскутным одеялом, и снилось ей, что она пишет рекламный текст для заговора на удачу, а начальник Вадим Сергеевич говорит: «Вася, больше эмоций! Больше призыва к действию! Где у тебя дедлайн?», и из-за его спины выглядывает чёрный кот и говорит: «Дедлайн звучит нехорошо».

Проснулась она от того, что кто-то гремел посудой.

За окном было раннее, розово-серое утро. Над Сызранкой висел туман. Где-то далеко, над Волгой, стрекотал вертолёт — учебный, из лётного училища; Василиса вспомнила, что в детстве их было видно каждый день, и бабушка говорила: «Опять курсантики кружат, как мухи над вареньем».

На кухне никого не было. Но на столе стоял чайник, от которого поднимался пар, и две чашки. В одной был чай. В другой — сметана.

— Это не я, — сказал Модест с подоконника. — У меня лапы. Это Фрол Евсеич. Он тебя пожалел. Сказал: «Худющая, как весло, пусть чаю попьёт».

— Кто такой Фрол Евсеич?

— Домовой. Из-за печки не выходит, людям не показывается, смотрит Первый канал, по четвергам требует пирог. Ты

с ним поздоровайся, он любит вежливость.

Василиса посмотрела на печку. Печка выглядела как печка.

— Доброе утро, Фрол Евсеич, — сказала она неуверенно.
— Спасибо за чай.

За печкой смущённо закашлялись, и что-то упало.

— Он стесняется, — пояснил Модест. — Последний раз с ним новая хозяйка здоровалась в тысяча девятьсот сорок шестом. Агафья тогда совсем девчонкой была.

Василиса села за стол, отхлебнула чаю — чай оказался крепким, с чабрецом и мятой, такой, от которого становится тепло не только в животе, но и где-то под рёбрами, — и сказала:

— Хорошо. Давай по порядку. Я — ведьма. Бабушка — ведьма. Ты — фамилляр. Что это вообще значит?

Модест спрыгнул с подоконника, запрыгнул на стул напротив и сел по-хозяйски, как председатель собрания.

— Ведьма, — начал он лекторским тоном, — это человек, который видит нитки. Мир весь в нитках, внучка. Между людьми, между людьми и местами, между местами и временем. Обыкновенный человек нитку не видит, но дёргает её постоянно — то обидит кого, то полюбит, то позавидует. Узлы вяжет, путает, рвёт. А ведьма видит. И может распутать. Или завязать. Или перерезать. От этого все привороты, отвороты, порчи и сглазы. Никакого волшебства, одна ниточная работа. Как у швеи.

— А ты?

— А я — помощник. Посредник. Советник. Консультант. Секретарь. — Модест задрал подбородок. — Фамильяры бывают разные. Жабы, вороны, ужи. Совы у особо претенциозных. Но лучшие фамильяры — коты. Потому что мы видим нитки так же, как ведьмы, только нам лень их трогать.

— А ты давно... с бабушкой?

Кот помолчал.

— С тысяча девятьсот семьдесят второго, — сказал он наконец, и голос у него стал чуть тише. — До этого я был при её матери. До этого — при бабке. Мы, фамильяры, живём долго. Пока есть кому служить.

Василиса поставила чашку.

— Модест. Тебе, выходит, лет сто?

— Двести семнадцать, — с достоинством поправил кот. — И я прошу не делать на этом акцент. Я прекрасно сохранился.

Потом был Гроссбух.

Он лежал, как и говорилось в письме, в нижнем ящике буфета, под скатертью с петухами. Толстая амбарная книга в коленкоровом переплёте, распухшая от вклеенных листков, записок, засушенных цветов и, кажется, одного трамвайного билета восемьдесят седьмого года. На обложке — надпись шариковой ручкой: «ГРОССБУХ. КЛИЕНТЫ. ДОЛГИ. ПРИХОД-РАСХОД».

Василиса открыла его и почувствовала, как у неё отвали-

вається челюсть.

Бабушка вела клиентуру с педантичностью главбуха. Каждая страница — человек. Фамилия, имя, отчество, адрес. Что просил. Что сделано. Чем заплатил.

«Уткина Зинаида Павловна, ул. Верхне-Кирпичная, 11. Бывшая завуч школы № 10. Просит приворот на Боброва Г. П. Не созрело. Причина: Бобров вдов, держит обет по покойной Людмиле. Нитка к Людмиле толстая, живая. Рвать нельзя — сердце порвётся. Ждать. Оплата: банка лечо ежегодно».

«Гончаренко Людмила, продавщица „Продукты 24“. Муж пьёт. Сделан отворот от водки, частичный — на будни. В выходные пусть, он без этого совсем скиснет. Оплата: продукты без очереди, скидка на сметану».

«Тарасов Никита, 9 лет. Боится темноты. Заговорён ночник. Оплата: рисунок с котом (висит на холодильнике)».

Рисунок с котом действительно висел на холодильнике. Кот на нём был фиолетовый и с шестью ногами.

— Я там похож, — сказал Модест, проследив её взгляд.
— Мальчик уловил суть.

— Бабушка брала оплату лечо?

— Лечо, огурцами, вареньем, починкой забора, рассадой, мёдом, пирогами, — перечислил кот. — Деньгами никогда. Деньги — плохая плата. В деньгах благодарности нет, одна сделка. А ведьме благодарность нужна, как печке дрова. От благодарности нитки крепче. От денег — гниют.

Василиса листала дальше. Ей попадались знакомые фамилии — тётя Нюра с молочного ряда на рынке, дядя Слава, который когда-то чинил бабушке крышу, учительница музыки, у которой Василиса проучилась одно лето и бросила. Весь город, кажется, хоть раз побывал на этих страницах.

А потом она дошла до буквы «П».

«Пыжиков Эдуард Кириллович. Администрация городского округа. Заместитель главы по ЖКХ и благоустройству. Хам. Взяточник. Трус. Ходит за порчей на конкурентов регулярно, раз в квартал. Платит деньгами, я не беру, он оставляет на комод, отдаю в храм на Советской.

ВНИМАНИЕ, ВАСЁНА. Порчу ему делаю особую. Наво-жу не на того, кого он просит, а на него самого — и не порчу, а правду. Мелкую, капельками. Копится в нём, как в бочке. Когда полная будет — прорвёт. Пока не прорвало. Ничего ему по-настоящему не делай. Делай вид. Банка „Для Пыжи-кова“ на полке — это корень валерианы с солью, от неё пах-нет страшно, а толку никакого. Он верит. Он во всё верит, что пахнет страшно».

Василиса захохотала. Громко, неприлично, до слёз. Мо-дест смотрел на неё снисходительно.

— Бабушка восемь лет разводила чиновника на валерьян-ку?

— Десять, — поправил кот. — И не разводила, а воспи-тывала. Разницу чувствуешь?

Последняя страница на «П» была почти пустой. На ней

стояло только имя, написанное с таким нажимом, что ручка прорвала бумагу:

«Пескова Анжела. НЕ КЛИЕНТ».

И ниже, другими, уже поблёкшими чернилами:

«Моя вина».

— Кто это? — спросила Василиса.

Модест отвёл глаза.

— Потом, — сказал он. — Сначала Зинаида Павловна.

Она уже у калитки.

И правда: калитка произнесла свою длинную выразительную ноту.

Глава 3. Приворот по-сызрански

Зинаида Павловна Уткина вошла в дом так, как входят в учительскую перед педсоветом: быстро, решительно, с поджатыми губами и сумкой-шоппером, в которой угадывалась трёхлитровая банка.

Было ей под семьдесят. Короткая стрижка с перманентной укладкой цвета «баклажан», очки на цепочке, блузка в мелкий цветочек, заправленная в юбку-карандаш. От неё пахло «Красной Москвой» и решимостью.

— Василиса, — сказала она, не здороваясь. — Я помню тебя вот такой. — Она показала рукой где-то на уровне стола. — Ты мне в девятом году бадминтонный волан в теплицу запустила и разбила стекло.

— Здравствуйте, Зинаида Павловна. Извините.

— Бог простит. — Зинаида Павловна поставила банку на стол. Банка была с лечо, густым, красным, блестящим. — Я по делу. Агафья Семёновна, царствие ей небесное, мне обещала. Четыре года обещала. Говорила: не созрело. Я ждала. Я, Василиса, всю жизнь ждала. Директора ждала, чтоб пенсию ушёл, — дождалась, назначили не меня. Мужа ждала, чтоб одумался, — не дождалась, ушёл к бухгалтерше в Октябрьск. Дочь ждала из Самары — приезжает раз в год на Пасху. Больше ждать я не могу. Мне шестьдесят восемь лет. У меня давление. Я хочу, чтобы Геннадий Петрович на меня

посмотрел. Один раз. По-настоящему. Остальное я сама.

Она сказала это на одном дыхании, и в конце голос её дрогнул — совсем чуть-чуть, так, что услышать мог только человек, который очень внимательно слушает.

Василиса слушала очень внимательно.

— Зинаида Павловна, — начала она осторожно, — я, понимаете, не совсем... Я только вчера приехала. Я не уверена, что умею.

— Агафья говорила, что ты умеешь. — Зинаида Павловна поправила очки. — Говорила: «Васёнка у меня сильнее всех будет, только сама не знает». Я, между прочим, тридцать лет в школе проработала. Я знаю, когда ученик может, а когда не может. Ты можешь.

Под столом Модест потёрся о её ногу. Василиса поняла это как «соглашайся».

— Хорошо, — сказала она. — Я... попробую. Приходите завтра.

— Сегодня, — отрезала Зинаида Павловна. — Геннадий Петрович сегодня в шесть вечера пойдёт на колонку за водой. Он всегда в шесть ходит, у него режим, он же бывший военный, инструктор вертолётного училища. Я выйду тоже. Сделай, чтобы он посмотрел.

И ушла, оставив банку лечо на столе как аванс и приговор одновременно.

— Модест, — сказала Василиса, когда калитка откричалась, — как делается приворот?

— Понятия не имею, — сказал кот.

— Что?!

— Я фамильяр, а не ведьма. Я знаю, что делается. Как — это твоя работа. — Он зевнул, показав розовую пасть и зубы, которыми можно было бы открывать консервы. — Посмотри в Гроссбухе. Там в конце рецепты.

Рецепты в конце Гроссбуха действительно были. Записанные бабушкиным почерком вперемешку с рецептами пирогов, засолки и одним рецептом самогона, аккуратно зачёркнутым и подписанным сверху: «Не для Васёны».

«ПРИВОРОТ ЛЁГКИЙ, НА ВЗГЛЯД. Свеча восковая, своя. Нитка красная, шерстяная. Лепестки розы — три. Корень девясила — щепоть. Волос того, кто просит, и того, на кого. Если волоса нет — вещь, которую трогал. Нитку наговорить, свечой пройти, узел завязать на три счёта. Узел завязывать с чистым сердцем. С грязным — выйдет криво».

Волос Зинаиды Павловны нашёлся на спинке стула — перманентный, баклажанный. Вещь, которую трогал Геннадий Петрович, пришлось добывать.

— У колонки, — подсказал Модест. — Он ручку качает. Сходи, потрогай ручку.

— Это считается?

— Всё считается, если правильно наговорить.

Василиса сходила к колонке и, чувствуя себя идиоткой, провела платком по ручке. Потом вернулась домой, достала из бабушкиного сундука восковую свечу, красную шерстя-

ную нитку и сушёные розовые лепестки из банки с надписью «Розы (с могилы не брать!)». Корня девясила найти не удалось. Банок было много, подписи у половины выцвели, а у другой половины были в духе «Вот это самое» и «Не то».

— Модест, где девясил?

— Не знаю. Я их не нюхаю. Там травой воняет.

Василиса взяла банку, которая показалась ей похожей по описанию — бурые корешки, пахнувшие чем-то горьким. Положила щепоть. Нитку, лепестки, волос, платок. Зажгла свечу.

И тут случилось странное.

Когда она взяла нитку в руки, чтобы завязать узел, мир вокруг чуть-чуть сдвинулся. Как будто кто-то повернул ручку настройки на старом радиоприёмнике, и сквозь шум вдруг пробила музыка. Она увидела — не глазами, а как-то иначе, как видишь во сне, — тонкие светящиеся линии, тянущиеся от нитки. Одна вела к дому одиннадцать. Другая — к дому девять. И ещё одна, очень толстая, золотисто-серая, шла от дома девять куда-то далеко, за город, на кладбище, и там уходила в землю.

— Вижу, — прошептала она. — Модест, я вижу.

— Вижу, что видишь, — отозвался кот, но голос у него был довольный. — Вяжи. Три счёта. Чистое сердце.

Василиса начала вязать. Раз — и она подумала о Зинаиде Павловне, одинокой, строгой, ждавшей всю жизнь. Два — о Геннадии Петровиче, которого она почти не помнила: высо-

кий, седой, всегда в кепке. Три...

На счёт «три» Модест чихнул.

Кот чихнул громко, мощно, всем своим огромным телом. С него слетело облачко чёрной шерсти и спланировало прямо на свечу, на нитку, на узел.

Узел затянулся.

— Ой, — сказал Модест.

— Что «ой»?

— Ничего. Возможно, ничего.

В шесть часов вечера Василиса с котом наблюдали из окна. Зинаида Павловна вышла к колонке в новом платье цвета морской волны, с ведром, покрашенная и прямая, как указка. Геннадий Петрович пришёл ровно в шесть ноль-ноль — высокий, седой, в кепке, с двумя ведрами. Поздоровался. Зинаида Павловна что-то ответила. Он начал качать.

А потом Геннадий Петрович поднял голову, посмотрел в сторону дома тринадцать — и замер.

Он смотрел не на Зинаиду Павловну. Он смотрел на окно. На подоконник. На кота.

На лице отставного вертолётчика-инструктора появилось выражение, которое бывает у мужчин, впервые увидевших новенький вертолёт Ми-28 на выставке: благоговение, восторг и желание немедленно потрогать.

— Нет, — сказал Модест. — Нет-нет-нет.

Геннадий Петрович бросил ведро. Вода разлилась. Зинаида Павловна отскочила. Отставной подполковник быст-

рым строевым шагом пересёк улицу, распахнул калитку (та взвизгнула на октаву выше обычного) и постучал в окно.

— Хозяйка! — крикнул он. — Это ваш кот? Какой красавец! Какая статья! Какой... можно я его поглажу? Я ему рыбки принесу! У меня судачок вяленый, с Волги!

— Он влюбился в меня, — сказал Модест мёртвым голосом. — Вася. Он влюбился в меня.

— Это твоя шерсть! — прошипела Василиса. — Ты чихнул в приворот!

— А ты девясил перепутала! Это был корень лопуха! Лопух — для прилипания! Он теперь ко мне прилип!

С улицы донёсся голос Зинаиды Павловны, звенящий, как школьный звонок на перемену:

— Геннадий Петрович! Вы куда?! Вода же!

Геннадий Петрович не слышал. Он прижался лицом к стеклу и шептал:

— Кис-кис-кис...

Следующие три дня стали для Модеста адом.

Геннадий Петрович приходил каждое утро в семь ноль-ноль, как на построение. Приносил вяленого судака, свежую плотву, куриную печёнку, сметану (двадцать пять процентов — Модест, надо признать, оценил). Сидел на крыльце и разговаривал с котом о вертолётах, о службе в Афганистане, о погоде над Волгой, о том, что нынешние курсанты — не то что раньше. Пытался гладить. Модест прятался за печкой, откуда доносилось ворчание Фрола Евсеича: «Ишь, развели

тут Санта-Барбару».

Зинаида Павловна на второй день пришла с пустыми руками и лицом, на котором читалось всё, что она думает о ведьмах, котах и мужчинах в целом.

— Василиса, — сказала она ледяным голосом. — Я просила, чтобы он посмотрел на меня. Не на кота.

— Я знаю. Я исправлю. Честное слово.

— Агафья за четыре года ни разу так не ошиблась.

— Агафья за четыре года ни разу ничего и не сделала! — вырвалось у Василисы. И тут же она осеклась, потому что Зинаида Павловна вдруг побледнела и села на лавку.

— Не сделала, — тихо сказала бывшая завуч. — Потому что знала — не выйдет. Да? Потому что он Людмилу свою любит. До сих пор. Двенадцать лет как похоронил, а любит. Я же вижу. Он ей на могилку каждое воскресенье ездит, на автобусе, через весь город. Я знаю, Василиса. Я не дура. Я просто... устала ждать.

И тут Василиса вспомнила ту толстую золотисто-серую нитку, уходившую в землю на кладбище.

«Нитка к Людмиле толстая, живая. Рвать нельзя — сердце порвётся».

— Зинаида Павловна, — сказала она медленно. — А можно я кое-что попробую? Только не приворот. Совсем другое.

Ночью Василиса сидела на кухне с Гроссбухом, свечой и котом. Модест был мрачен и пах вяленой рыбой.

— Бабушка пишет, что нитку рвать нельзя, — рассуждала

Василиса. — Но ведь её и не надо рвать. Она же не мешает любить. Мешает что-то другое. Смотри — я её видела. Она толстая, но она... как будто завязана узлом. Перекручена. Как телефонный провод, который год не распутывали.

— И что это значит?

— Вина, — сказала Василиса. — Он чувствует вину. Он думает, что если посмотрит на другую женщину, то предаст Людмилу. Я так чувствую. Я не знаю, откуда.

Модест посмотрел на неё с новым уважением.

— Это оттуда же, откуда у Агафьи было, — сказал он. — Ладно. Допустим. И что ты сделаешь?

— Ничего не буду завязывать. Буду развязывать. Распутая узел. Нитка останется. Любовь к Людмиле останется. А вина уйдёт.

— В Гроссбухе такого рецепта нет.

— Значит, будет, — сказала Василиса и взяла ручку.

На следующий день она попросила Геннадия Петровича зайти в дом. Он зашёл, счастливый, с пакетом печёнки для «его величества», и сел за стол, выглядывая Модеста.

— Геннадий Петрович, — сказала Василиса, — можно вас попросить поддержать вот эту нитку? Просто поддержать. Это... бабушкина традиция. Для здоровья.

Отставной подполковник пожал плечами и взял нитку. Василиса закрыла глаза. И снова увидела: золотисто-серую, перекрученную, завязанную в тугий узелок. Она мысленно потянулась к нему — не пальцами, а чем-то внутри — и на-

чала распутывать. Медленно. Петля за петлёй. Бережно, как распутывают волосы маленькому ребёнку.

«Ты не предаёшь, — думала она, не зная, кому. — Ты живой. Тебе можно. Она бы хотела».

Узел поддался. Нитка распрямилась, стала тоньше и светлее, почти прозрачной, и засияла мягким тёплым светом — не больно, а как старая фотография, которую держишь в руках и улыбаешься.

А заодно — совершенно случайно — развязался и вчерашний кривой приворот, запутавшийся в том же узле.

Геннадий Петрович моргнул. Посмотрел на нитку в своих руках. Потом — на пакет с печёнкой. Потом — на Модеста, который как раз выглянул из-за печки.

— Странное дело, — сказал он. — Я зачем кошачьей печёнки-то купил? У меня и кота нет.

— Вы... для нашего Модеста. По-соседски.

— А. Ну пусть ест. — Он встал, как-то растерянно потёр лоб. — Знаете, Василиса Андреевна... я вот сейчас подумал. Людочка моя, царствие ей небесное, всегда говорила: «Гена, если я первая помру — не кисни. Женись на хорошей женщине». А я двенадцать лет кисну. Дурак.

Он постоял ещё секунду. Потом решительно надел кепку.

— Пойду я. У Зинаиды Павловны, я видел, в теплице помидоры не вызревают. Сорт у неё неправильный. Надо «Сызранский пузатик» сажать, я ей рассады дам.

И вышел.

Василиса и Модест смотрели в окно, как он идёт к дому одиннадцать, стучит в калитку. Как выходит Зинаида Павловна — в халате, растрёпанная, с поджатыми губами. Как Геннадий Петрович снимает кепку и что-то говорит. Как губы Зинаиды Павловны перестают быть поджатыми.

— Помидоры, — сказал Модест. — Приворот через помидоры. Агафья бы гордилась.

Вечером к калитке пришла Зинаида Павловна. Не заходила — просто поставила на крыльцо ещё одну банку лечо, большую, пятилитровую. И записку на тетрадном листе в клеточку, почерком, которым сорок лет выставляли оценки:

«Пять. З. П.»

Василиса вклеила записку в Гроссбух. На страницу «Уткина Зинаида Павловна» она вписала своим почерком, круглым, как у отличницы:

«Не приворот, а развязка. Созрело. Оплата: лечо, 5 л».

— С почином, ведьма, — сказал Модест.

За печкой Фрол Евсеич одобрительно высморкался.

Глава 4. Порча для товарища Пыжикова

Чёрный «Ленд Крузер» подъехал к дому номер тринадцать в понедельник, в половине восьмого утра, заехав двумя колёсами на бабушкину клумбу с бархатцами.

Василиса видела его из окна. Машина была огромная, блестящая и совершенно неуместная на Верхне-Кирпичной, как смокинг на рыбалке. Из неё вылез мужчина лет пятидесяти пяти, круглый, розовый, в сером костюме, который сидел на нём так, будто костюм пытался сбежать, но был остановлен пуговицами. Лысина была аккуратно прикрыта зачёсом. В руке — кожаная папка.

— Пыжиков, — сказал Модест с подоконника тоном, каким говорят «тараканы». — Бархатцы помял. Агафья его за это каждый раз проклинала. Мелко. На икоту.

— Бабушка проклинала его на икоту?

— На сутки. Для профилактики.

Эдуард Кириллович Пыжиков вошёл без стука, огляделся, поморщился — то ли от запаха трав, то ли от бедности обстановки — и сел за стол, положив папку на клеёнку с подсолнухами.

— Вы, стало быть, внучка, — сказал он, не протягивая руки. — Соболезную. Агафья Семёновна была женщина...

своеобразная. Но результативная. Надеюсь, вы тоже результативная. Мне нужно срочно.

— Здравствуйте, — сказала Василиса. — Чаю?

— Некогда. У меня в девять планёрка у главы. — Он открыл папку и вынул фотографию. На фотографии был подтянутый мужчина в очках, с усталым интеллигентным лицом. — Вот. Колыванов Сергей Дмитриевич. Из области. Контрольно-счётная палата. Приехал проверять, куда ушли деньги на ремонт набережной. Четыреста двенадцать миллионов. Роем. Нарыл уже, сволочь, лишнего. Мне нужно, чтобы он заболел. Или уехал. Или... ну, вы понимаете. Чтобы ничего не нашёл. Агафья Семёновна мне такие вещи делала.

— Какие именно вещи? — очень вежливо уточнила Василиса.

— Ну... — Пыжиков неопределённо повёл розовой рукой. — Порчу. На неприятности. Чтоб у человека всё из рук валилось. Она мне в двадцатом году на депутата Сухорукова сделала — так его на выборах прокатали. Сама видела.

«Сухорукова прокатали, потому что его застукали с фальшивыми подписями, — вспомнила Василиса строчку из Гроссбуха. — Порча тут ни при чём. Эдуарду говорить не стала».

— Понимаю, — сказала она. — А вы в курсе, что порча — это серьёзно? Что она может... вернуться?

— Агафья Семёновна говорила. Поэтому я и плачу хорошо. — Пыжиков достал из внутреннего кармана пухлый кон-

верт и положил его на комод, не глядя, привычным жестом.
— Сто тысяч. Как обычно.

Модест на подоконнике сделал такое лицо, какое бывает у кота, который видит, как кто-то кладёт огурец в клубничное варенье.

Василиса посмотрела на конверт. Потом на Пыжикова. Потом на полку, где стояла банка «Для Пыжикова». Потом снова на конверт.

«Он оставляет на комод, отдаю в храм на Советской».

И ещё: «Навожу не на того, кого он просит, а на него самого — и не порчу, а правду. Мелкую, капельками».

Что-то в ней, какая-то московская, закалённая восемью годами работы с отделом маркетинга часть, сказала: «Вася, это взятка. Это коррупция. Позвони в прокуратуру». А другая часть — новая, вчерашняя, та, что видела нитки, — сказала: «Погоди. Посмотри на него».

Она посмотрела.

И увидела.

От Пыжикова во все стороны тянулись нитки. Их было ужасно много, как проводов на старом столбе. Серые, липкие, скользкие — к людям, которым он был должен, к людям, которые были должны ему, к конвертам, к подписям, к откатам. Но среди этой паутины, в самом центре, у него в груди, висела маленькая стеклянная бусина. Прозрачная, как капля. И она была почти полная — светлой, серебристой, дрожащей жидкостью.

Бабушкина правда. Десять лет капля за каплей.

— Хорошо, — сказала Василиса. — Сделаю. Дайте мне... час. Посидите.

— Мне в девять...

— Час, Эдуард Кириллович. Порча дело тонкое. Не хотите — идите к другой ведьме.

Пыжиков открыл было рот, но тут Модест спрыгнул с подоконника, прошёл мимо него, задев хвостом дорогие брюки, и посмотрел снизу вверх жёлтыми глазами. Эдуард Кириллович, как многие люди с нечистой совестью, котов побаивался.

— Час, — буркнул он. — Но ни минутой больше.

Василиса ушла в сени, прикрыла дверь и шёпотом сказала коту:

— Что мне делать?

— То же, что бабушка, — прошептал Модест. — Банка валерианы с солью. Пахнет страшно. Поводи руками, пошепчи, поджигай что-нибудь. Он любит, когда поджигают.

— А правда? Бусина почти полная. Если я капну ещё...

— Прорвёт, — кивнул кот. — Но не сейчас. Не при тебе. Правда, внучка, выходит тогда, когда рядом много ушей. Так она устроена. Если его сейчас прорвёт, он тут, на кухне, тебе всё расскажет, а толку? Ты ж не прокурор. Капни одну. Маленькую. Пусть копится. Прорвёт в нужный момент.

— А когда нужный?

— Узнаешь. Как Агафья говорила — созреет.

Следующий час стал самым театральным в жизни Василисы — а она однажды писала сценарий корпоратива для отдела ипотечного кредитования.

Она занавесила окна. Зажгла пять свечей. Открыла банку «Для Пыжикова» — от неё действительно пахло так, что Фрол Евсеич за печкой закашлялся, а у Пыжикова заслезились глаза. Бросила горсть содержимого в чугунную сковородку, поставила на печку. Повалил вонючий дым. Василиса ходила вокруг стола, водила над фотографией Колыванова руками и бормотала первое, что приходило в голову, — а приходили ей в голову, по старой профессиональной привычке, рекламные слоганы.

— Выгодно, быстро, надёжно! — завывала она. — Без скрытых комиссий! Одобрение за пять минут! Ставка от двенадцати и девяти!

Пыжиков сидел, побелев, и крестился под столом.

Модест лежал на печке и трясся от беззвучного хохота.

А в самом конце, когда дым стал совсем густым, Василиса быстро, незаметно коснулась мыслью той стеклянной бусины в груди у Пыжикова — и уронила в неё ещё одну каплю. Маленькую. Серебристую.

Бусина дрогнула. Жидкость в ней поднялась почти до края.

— Готово, — сказала Василиса, распахивая окно. — Порча наведена. Проверяющий ваш... э-э... найдёт то, что заслуживает.

— То есть ничего? — с надеждой спросил Пыжиков.

— Ровно то, что заслуживает, — твёрдо повторила Василиса.

Пыжиков довольно кивнул, встал, отряхнул костюм от пепла и направился к выходу. У двери он обернулся.

— Кстати, Василиса Андреевна. Дом-то у вас старый. Аварийный, я бы сказал. Мы тут генплан пересматриваем, на этом участке... в общем, у нас есть инвестор. Серьёзный. Из Москвы. Вы не думали продать?

— Нет, — сказала Василиса.

— Подумайте. Инвестор щедрый. — Он улыбнулся розовой улыбкой. — А то, знаете, признают аварийным — и всё, снос. Бесплатно. Жалко будет.

Калитка за ним лязгнула, как затвор.

«Ленд Крузер» уехал, окончательно доломав бархатцы.

Василиса взяла с комода конверт и повертела его в руках.

— В храм на Советской, — сказала она. — Как бабушка.

— Лучше в детский дом на Жуковского, — посоветовал Модест. — Храму Агафья уже столько передала, что там купол перекрыли. А в детском доме крыша течёт.

Вечером того же дня икота напала на Эдуарда Кирилловича Пыжикова прямо на заседании городской думы, во время доклада о благоустройстве, и продолжалась ровно сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.